

Юрий
Перминов

ПО СОСЕДСТВУ С НЕБЕСАМИ

* * *

Ничего от сердца не отрину,
никого уже не разлюблю...
Догола, до ягодки – рябину
птицы доклевали к февралю.

Погрущу тихонько под гармошку...
Ночь темна, как будто собрала
звёзды Матерь Божия в ладошку,
словно крошки хлеба со стола...

* * *

Немалым слыл, незыблемым запас
тепла... Увы, дожди залютовали.
На Тридевятиой улице – у нас –
темно, как в неустроенном подвале.

Стряхнув с души сомнений праздных тлю,
впрягусь в гармонь – сыграю всё, что помню.
Посёлок свой – настойчиво люблю,
от темноты – никто ещё не помер.

Спою, увидев блёклую зарю,
про белый свет (слова от мамы знаю)...
...За громкий храп соседа не журю,
соседку песней громкой не терзаю.

Былых тревог в ночи остался гнёт.
Тепло дадут – молва сквозит по дому...
Свет всё равно из тьмы произрастёт –
у нас и не бывает по-другому.

УЧАСТКОВЫЙ

Так ничего и не случилось нового
из пьянок и бессовестных затей,
а дома тихо ждали участкового
жена Айгуль и четверо детей.

Без подоплёки, солнце наше к западу
склонилось рано – осень, как никак...
И, судя по устойчивому запаху,
жена Айгуль сварила бешбармак.

Усталый муж домой вернётся к полночи,
посмотрит с лёгкой грустью на часы
жена Айгуль...

В посёлке нашем Солнечном
всё хорошо. Всё, стало быть, «жаксы».

* * *

Мирославу Бакулину

Размахнулся – живу в двух столетиях: мало ли
нас широких таких – из петров да емель...

Нынче осень: закаты смиренные
алыми

языками хлебают
дорожный кисель.

Согрешу, если дни назову нехорошими
потому, что царит дождевая тоска.

Потому и живём, что грехи наши брошены
в море милости Божией горстью песка.

* * *

Почти что через дерево – кормушка
для зимних птиц... Простое, как рядом,
светлеет небо.

День за днём церквушка
растёт в посёлке Солнечном...

Давно

он это имя носит, небогато
живёт, и нет особенных красот,
и что с того? – Своё порой горбато,
но мило (никогда – наоборот).

Как никогда, предзимний ветер колок.
Снег, погрузнев к началу ноября,
надолго вжился в Солнечный посёлок
(а есть и Светлый, к слову говоря).

Почти как всех, года посёлок старят,
но говорят же люди, что вот-вот –
на Параскеву – маковку поставят:
таджики – обязательный народ.

И мы – живём на честные полушки,
в трудах, не зарекаясь от сумы...

Ну и никто не скажет, что кормушки
для зимних птиц построили не мы.

* * *

Жанетте

Смурнеет небо... Солнце, не чуди!..
Что впереди – ухабы или кочки? –
Не знаю, как свои закончу дни,
ну и своей последней самой строчки.

Не знаю, чем свой век ещё продлю,
куда исчезнет рваных туч громада...
Но... я такую женщину люблю,
что ничего мне знать уже не надо!

* * *

Очевидно – вполне вероятно! –
на посёлок окраинный наш –
с утреча – как школяр, аккуратно –
наточу свой простой карандаш.

Основательно снежные сети
на деревья наброшены,
крут
колотун преждевременный; дети
могут дома сидеть, но идут
в нашу старую школу...

Будильник
сердца вызвонил грустный вопрос
(неожиданный, как подзатыльник
от жены): навсегда ли мороз?

Выйду жителям нашим навстречу,
через дерево – снега скирда...

Про мороз ничего не отвечу,
про посёлок скажу: навсегда.

ПРОЩАЙ, МУМУ!

Читал и плакал... Всё же не напрасно
я верил в то, что с возрастом пойму
(хотя и нынче многое не ясно),
о чём рассказ Тургенева «Муму».

Он – о любви. И даже – не к собачке.
Конечно, был Герасим увлечён
Татьяной, только – дело тут не в прачке,
алкаш-башмачник – тоже ни при чём.

Собачья жизнь... Финал её ужасен.
Прощай, Муму!.. Да только... видит Бог! –
любил всем сердцем барыню Герасим –
так, что ни в чём послушаться не мог.

* * *

Ну, кто о чём, а мой рассказ о том,
что нынче я (наверное, с устатку)
забрёл, как пёс робея, в новый дом,
где этажей – два раза по десятку,
но точно – сосчитать не удалось...

...Есть мне о чём подумать – на досуге:
а хорошо ли – рядом, но поврозь
жить, ничего не зная друг о друге?..

* * *

Мечтать не вредно о покое,
когда вопросов больше нет...
Есть в нашем городе такое,
на что пролить мне стоит свет?

Вот так идёшь в холодный вечер
там, где пустынно и темно,
уже ни с кем не чаешь встречи,
но за углом – стоит ОНО.

И не понять ни вмиг, ни вскоре,
ни вообще (хоть как свети):
к кому тут счастье или... горе
всё не решается зайти...

* * *

Вадиму Велитченко

К своим делам теряя интерес,
и налегке (не жди, жена, к обеду),
чтоб ощутить дыхание небес
среди людей, —
деревню к другу еду:
он там — родной словесности оплот,
а впереди не дата ждёт, а веха! —
Литературу друг преподаёт
в деревне той почти что четверть века.

Ну, здравствуй, друг!.. Конечно, друг, хотя
за встречу пьём, уже не балагурия
и по чуть-чуть...

И плачет, как дитя,
всю ночь в деревне пушкинская буря...

Ну, здравствуй, друг!.. Не виделись давно,
а вот молчим — серьёзных лет папаши —
как будто ждём, что кто-нибудь в окно
к нам постучит — из молодости нашей.

СТАКАН

В нашей роще мне по сердцу каждая ветка,
свет по-свойски легко между ними сквозит,
на одной из осиновых (с прошлого века,
вероятно) стакан пожелтелый висит —
каждой гранью знаком...

И за что я, как брату,
рад ему — долговечному, с мухой на дне? —
Из него мужики обмывали зарплату
под балтийскую кильку, почти в тишине.
Одинокий, почти неприметный —

за годы
пустоты постепенно прижился в семье
престарелых деревьев — как символ заботы
бескорыстных людей о подобных себе.

В БОЛЬНИЦЕ

Безгрешно лежим тут. Никто никому не приятель,
диагнозы наши – напротив – один к одному...

Как нежен к супруге сосед по больничной палате –
к весёлой толстушке, приехавшей нынче к нему
из дальней деревни!

Как солнышко здесь появилась! –
Впервые за пару бесцветных больничных недель...
И как хорошо, что корова у них отелилась,
и плохо, что помер намедни их старый кобель.
Свояк – Парамонов – по-божески, за две бутылки –
колодец почистил, затратив немало труда...
Приветы горячие шлют мужики с лесопилки,
и выписал денег хозяин её – Хабулда...

...В столицах решают проблемы (подчас мировые)
до драк, и решать их, наверное, стоит, но тут
я понял впервые (ну, буду считать, что впервые),
как по-настоящему – люди как люди живут.

* * *

Жена по улице идёт, как
сама весна (глаза – цветы!),
как не какая-нибудь тётка,
а королева красоты!

...Ну что случиться может с нами? –
Живём – не важно, сколько лет! –
мы по соседству с небесами
здесь, на окраине...

Сосед
завёл под окнами – в охотку,
но самовольно – огород.

...а в центре каменную глотку
проспект о суетном дерёт.

КУСТ СИРЕНИ

Сижу на лавочке, глаза
на многолетний тихий куст
сирени около музея
изобразительных искусств.

Немалый куст –
 цветущий плотно,
влюблённый – тем и жив-здоров –
в земную вечность, как полотна
разновеликих мастеров.
Но жаль (увы, ничто не ново,
и кисть не всякий день легка),
что живописца никакого
на эту радость
 нет пока.

* * *

Под небом в самом утреннем соку
сермяжно думу трезвую гадаю:
куда податься русскому совку
с таким-то «капиталом» и годами?

Да, не зайти ни к другу, ни к врагу,
купив портвейна с «докторской» на трёшку,
не позвонив...

 Но, кажется, могу
ещё порвать от радости гармошку!

Где Запад есть, найдётся и Восток.
Решить вопрос: куда пойти? – не в двадцать
одно сыграть...

 Но в том и самый сок,
но в том и соль,
 что некуда податься...

Перминов Юрий Петрович родился 16 мая 1961 г. в Омске. Главный редактор историко-культурологического, литературно-художественного альманаха «Тобольск и вся Сибирь», секретарь Союза писателей России. Поэт, эссеист, публицист. Автор 15 книг. Лауреат Большой литературной премии России и других.

